

Иванова Е.А. ©

Кандидат филологических наук, преподаватель Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова

НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В БИОГРАФИЯХ ЭМИЛЯ ЛЮДВИГА

В 1920-30-х гг. весь западный мир захлестнуло увлечение жанром биографии, переживавшим своеобразной «второе рождение» – появление новой разновидности жанра, так называемой «новой биографии». Среди причин этого явления была необходимость переосмыслить прежнее понимание истории и исторических личностей после катастрофического для европейской цивилизации опыта Первой мировой войны и дополнить его на основе новых представлений о человеческой природе. Самым знаменитым представителем «новой биографии» в Германии стал Эмиль Людвиг.

Среди героев его биографий были Гете, Наполеон, Бисмарк, Микеланджело, Иисус Христос, Шлиман, Рембрандт – преимущественно исторические фигуры первой величины и общеевропейского и даже общемирового значения. Биографии Людвиг имели огромную популярность и расходились рекордными для того времени тиражами не только в Европе, но и в Америке книги. В вышедшей в начале 1930-х гг. автобиографической книге «Подарки жизни» Людвиг утверждал, что лучшего читателя нашёл именно за океаном, где «молодая, доброжелательная, любопытная, сердечная» публика была наиболее восприимчива к предлагаемым им образцам для подражания[3, 776].

Однако не следует думать, что такая интернациональная популярность и направленность работы Людвиг свидетельствуют о его равнодушии к национальным проблемам. Он активно участвовал в общественной жизни Веймарской Германии, был центральным лицом в глубоко политизированном скандале вокруг «исторической беллетристики», разразившемся в 1928 г.[1]. И в лучших и наиболее известных из его книг уделяется большое внимание вопросам немецкого национального характера и проблемам Германии.

Это проявляется даже в «Наполеоне», хотя внимание автора характерным для Людвиг образом сфокусировано исключительно на центральном герое и непосредственно касающихся его событиях. Однако выстраивая на протяжении биографии серию сопоставлений Наполеона с другими личностями того времени, Людвиг отводит особое место барону фон Штейну, прусскому политическому и государственному деятелю и ярому противнику Наполеона. Людвиг утверждает, что «никто не был ему [Наполеону] настолько ровней, как Талейран и Штайн», причём Штайн противопоставляется Наполеону как носитель типично немецких добродетелей – воплощению итальянских талантов. Среди этих национальных черт Людвиг называет общие для Штайна и Наполеона деловитость и гордость, а так же деятельный идеализм, монархизм и приверженность идее легитимности, «за которую немецкий народ сражался так же горячо, как и против чужаков»[5, 404-405].

В биографии Гёте Людвиг неоднократно подчёркивает принадлежность своего героя к немецкой нации, называя его немцем и немецким поэтом, и указывает на то колоссальное место, которое Гёте занимает в немецкой культуре. Он «первый немецкий поэт»[4, II, 320], «мудрец нации»[4, II, 456], её «духовный лидер»[4, II, 348]. Другая многократно возвращающаяся тема – восприятие и часто неприятие Гёте немцами-современниками. «Германия ... едва ли любила поэта с тридцати до шестидесяти лет», да и после понимала лишь часть его произведений. Причины этого Людвиг видит в том, что немецкий народ был «в массе наивен, неотёсан, туповат»[4, II, 213], слишком склонен к сентиментальности и слащавости[4, II, 216], неспособен понять идею абсолютной красоты и хотел более простых, эмоциональных и понятных произведений, поэтому охотнее всего воспринял «Германа и Доротею» со знакомыми названиями, именами, и заботами персонажей. И только следующие

поколения сумели по-настоящему понять и оценить Гёте, и теперь биограф не только повторяет устоявшееся мнение о величии поэта, но стремится представить его молодому поколению немцев как сложного, живого человека в борьбе с собственными внутренними демонами, и таким образом живой образец для подражания уже в XX веке.

Но наибольшее внимание проблеме немецкого национального характера уделяется в вышедшей в 1927 г. и вызвавшей большой скандал биографии последнего немецкого императора Вильгельма II. Изображая события десятилетий, приведших к Первой мировой войне и поражению Германии в ней, Людвиг задаётся вопросом, кто был этому виной. Нарисованный им портрет последнего кайзера нелицеприятен и вызывал бурю возмущения в право-монархических кругах, однако, несмотря на свою склонность приписывать отдельным личностям решающее влияние на исторические события, в реальности Людвиг лишь частично возлагает вину за национальную катастрофу на Вильгельма, в большей степени вина его окружение и весь беспрекословно шедший за правителем немецкий народ: «[говорить правду] ...было, в конце концов, задачей не только двадцати человек. Это была обязанность нации» [6, 325].

И главный упрёк Людвигу в адрес немцев звучит уже в самом начале биографии: этот народ «по природе менее свободен, чем покорен» [6, 17]. Неоднократно с горечью повторяется в биографии слово «*der Untertan*», «верноподданный», вызывая в памяти роман Г. Манна: «дружно кричать ура своему господину, взяв под козырёк на 45 градусов, вот это было естественное поведение порядочного подданного, а не бесплодная критика доброй воли вечно юного кайзера» [6, 370]. Другая отрицательная черта немецкого национального характера – любовь к пышным фразам и зрелищам, блестящей внешней форме: «Германия слышит эти красивые фразы и довольна» [6, 70], она охотно платит за возможность посмотреть на парадные выезды императора с супругой, встречая их бурным ликованием [6, 258]. Сентиментальность, «влюблённость в трагедию» [461] вместе со слабостью к красивым словам не раз заставляют немцев без возражений принимать ошибочные или нелепые поступки императора.

При этом Людвиг подчёркивает и положительные черты немцев: это «великий, спокойный» [6, 263] народ, «мирный и сильный, задумчивый и полный музыки» [6, 480]. Тем большее негодование вызываю у него стоявшие у власти люди, по его мнению, мишурным блеском и пустыми речами ослепившие нацию и подпитывавшие её худшие качества, за что немцам и пришлось расплачиваться по итогам Первой мировой.

В начале своего творческого пути как биографа Э. Людвиг надеялся воздействовать на лучшие стороны натуры своих соотечественников и воспитать в либеральном духе молодое поколение [3, 496]. События последующих лет продемонстрировали утопичность этой идеи, а современные критики указывают, что Людвиг выбрал для своей цели неверные художественные средства [2, 143-144]. Но несомненно, что, занимаясь историческими фигурами, он никогда не забывал о современности и в текстах его биографий отразились авторская заинтересованность и размышления о судьбах Германии.

Литература

1. Gradmann C. Historische Belletristik: populäre historische Biographien in der Weimarer Republik. Frankfurt/Main; New York, 1993
2. Kittstein U. "Mit Geschichte will man etwas": historisches Erzählen in der Weimarer Republik und im Exil (1918-1945). Würzburg, 2006.
3. Ludwig E. Geschenke des Lebens; ein Rückblick. – Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1931. – 865 S.
4. Ludwig E. Goethe: Geschichte eines Menschen.. – Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1926. – 2 Bd.
5. Ludwig E. Napoleon. – Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1925. – 695 S.
6. Ludwig E. Wilhelm II. – Berlin: Herbig, 1976. – 510 S.